УДК 811 111’42

Черновол-Ткаченко Р.С.

ОСНОВНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

На современном этапе развития лингвистики интертекстуальность признается необходимым условием существования любого текста. Именно сейчас, в эпоху постмодернизма, эта категория текста приобрела первостепенное значение. В данный момент возросла потребность изучать тексты не как стоящие особняком произведения, но в контексте целой культуры, в неразрывной связи с опытом предыдущих поколений. Такое осмысление текстов практически невозможно, если забывать о том, что все явления культуры тесно переплетены, что не существует ни одного текста с независимым значением. Изучение взаимоотношения текстов становится возможным в рамках теории интертекстуальности – одной из ведущих лингвистических концепций эпохи постмодернизма.

Теория интертекстуальности и неразрывно связанные с ней коммуникативное и когнитивное направления в лингвистике оформились относительно недавно (см., например, обзор теории интертекстуальности в книге Г. Аллена “**Intertextuality**”;[1] основные положения когнитивной лингвистики – в книге З.Д. Поповой и И.А. Стернина “**Очерки по когнитивной лингвистике**”,[2] поэтому закономерно, что разработка теории интертекстуальности остается одной из самых актуальных тем лингвистики. Целью данной работы является попытка краткого обзора основных точек зрения на интертекстуальности для того, чтобы перенести ее из плоскостей философии, сравнительного литературоведения и культурологии в плоскость лингвистики, а также анализ условий, необходимых для осуществления интертекстуальных взаимодействий конкретных текстов.

Было бы неверным считать, что понятие интертекстуальности принадлежит исключительно эпохе постмодернизма, с которой ее чаще всего связывают. Несмотря на то, что неологизм “*интертекстуальность*” и постулаты новой теории межтекстовых связей были представлены в 1968 г. Юлией Кристевой в работе “**Слово, Диалог и Роман**”, еще Э. По писал, что максимальная оригинальность автора произведения состоит в разумном и спокойном комби-

нировании текстов предшественников. Истоки теории интертекстуальности следует искать в лингвистике XX века, а именно в теории знака швейцарского лингвиста Фердинанда де Соссюра. Значительным вкладом в теорию интертекстуальности стали работы русских литературных критиков М.М. Бахтина о текстовой полифонии и Ю.М. Тынянова о пародии. Последний, в частности, в одной из своих статей отмечал, что "*эволюция литературы происходит при применении старых форм в новых функциях*".[3]

Теория интертекстуальности была для своего времени революционной. По степени новаторства ее сравнивают с физикой Эйнштейна, пришедшей на смену классической физике Ньютона. Однако, в отличие от первой, она очень неоднородна. С момента своего провозглашения теория интертекстуальности претерпела множество интерпретаций, порою совершенно противоположных. Достаточно сказать, что постструктуралисты, в частности, Ролан Барт, использовали термин "интертекстуальность", чтобы опровергнуть возможность существования единого смысла художественного текста, провозгласить "смерть автора" и полную свободу интерпретации, тогда как теоретики и критики феминистского движения и постколониализма считают, что "смерть автора" и провозглашение свободы интерпретации не обязательно имеют тот освободительный характер, который приписывают этим аспектом интертекстуальности постструктуралисты. Основатель деконструктивизма Жак Деррида применяет этот же самый термин, чтобы установить истинное литературное значение исследуемого текста. Французские литературные критики Жерар Женетт и Мишель Риффатерр используют теорию интертекстуальности при поиске доводов в пользу критической достоверности или по крайней мере возможности неоспоримой критики литературных произведений.[4]

С момента введения нового термина теория интертекстуальности развивалась в трех направлениях: (1) постструктурализм и деконструктивизм (Р. Барт, Ж. Деррида), (2) семиотическое направление (М. Риффатерр, Дж. Каллер), (3) социальное и политическое направление в рамках культурного материализма или нового исторического критицизма (М. Фуко).[5]

В рамках первого направления Р. Барт развивал теорию интертекстуальности с тем, чтобы доказать, что текст и его интерпретация полностью зависят от читателя. К тому же он настаивал на том, что теория интертекстуальности в отличие от теории влияния предполагает анонимность источников интертекстуальных цитат, а также актив-

ное впитывание текстов, важных для социума, таких как, например, народная мудрость, клише, афоризмы.

Согласно М. Риффатерру, идейному лидеру второго направления развития теории, структура произведения производится расширением единственного слова или предложения, которое он называет "матрицей" произведения.

Третье направление развития теории представлено в двух школах: *Rezeptionsästhetik* и критики М. Фуко. Последний попытался связать историю и интертекстуальность, рассматривая способы интертекстуальных связей, которые возникают в тексте и меняются с течением времени. Он настаивает на анализе роли власти в производстве текстуальности и роли текстуальности в производстве власти.[6]

Проведенный обзор убедительно демонстрирует явную неоднородность теории интертекстуальности, ее перегруженность общефилологическими, эстетико-культурологическими, философскими и даже политическими соображениями, что определяет недостаточное, на наш взгляд, использование данной теории для решения чисто лингвистических задач.

Одной из таких задач является изучение функционирования текста в ситуации реальной коммуникации. Несмотря на такую очевидную неоднородность, теория интертекстуальности – эффективный инструмент, позволяющий решить эту задачу и модернизировать классическую лингвистику текста. Как отмечает, в частности, О.О. Селиванова, общей стратегией современной лингвистики текста является переход от изучения текстовой интегрированной структуры к анализу текста как коммуникативной системы.[7] Рассмотрим компоненты текста как коммуникативной системы, позволяющие ему в процессе функционирования включиться в процесс интертекстуальных взаимодействий.

Несколько перефразируя слова Дж. Стивенса,[8] можно утверждать, что полноценная реализация функционального потенциала текста предполагает взаимодействие трех основных компонентов: социальной значимости текста, смыслового ядра текста и его раскрытия в дискурсе;[9] ср. также альтернативную формулировку данных компонентов О.О. Селивановой – "*личность автора, личность адресата, содержание текста и то, что опосредствует его создание в социокультурном контексте действительности*".[10]

Первым компонентом, формирующим способность данного текста к интертекстуальным взаимодействиям, становится социальная значимость. Социальная значимость текста по определению формируется коллективом коммуникантов. Несмотря на то, что минимальным ко-

личеством участников коммуникации являются двое (не рассматривая возможность автокоммуникации), по словам Г. Кука, дискурс обычно воспринимается группами, а не отдельными лицами.[11] Для того, чтобы текст вступил в интертекстуальные отношения с другими текстами и начал использоваться как прецедентный, он должен получить общественный резонанс и приобрести социальное значение.

Популярность того или иного текста предсказать или объяснить с точки зрения лингвистики зачастую достаточно сложно, поскольку помимо лингвистических, социальная значимость текста определяется также целым рядом экстралингвистических причин, среди которых можно, в частности, выделить рекламу в СМИ и пр. Можно лишь сказать, что текст по тем или иным причинам становится важным элементом не только индивидуального когнитивного пространства, но и когнитивной базы членов данной национальной/социальной/экономической/языковой группы – "*определенным образом структурированной совокупности необходимо обязательных знаний и национально-детерминированных и минимизированных представлений того или иного национально-лингво-культурного сообщества, которыми обладают все носители того или иного национально-культурного менталитета*".[12]

В случае успеха последовательной реализации процесса формирования социальной значимости текста сам текст в итоге может стать символом соответствующей национальной/социальной/экономической/языковой группы. При этом текст мы рассматриваем в контексте деконструктивизма и определяем его не только как отдельный текст одного автора, но и как жанр, и как литературную традицию, и как любой другой элемент языковой картины мира. В частности, среди символов британской культуры можно выделить отдельный текст – литературную дилогию Л. Кэрролла о приключениях Алисы ("**Alice's Adventures in Wonderland**" и "**Through the Looking-Glass an What Alice Found There**"), литературный жанр лимерик и всю традицию литературы нонсенса.

Параллельно процессу формирования социальной значимости текста идет процесс превращения текста в прецедентный, во время которого он проходит определенную когнитивную обработку. В результате такой обработки печатный или устный текст конвертируется в виртуальную структуру с одновременным снижением функциональной нагруженности актуального текста (т.е. исходного варианта текста, зафиксированного на бумаге / электронных носителях). Такая структура имеет когнитивную природу и может быть описана и исследова-

на в качестве концепта текста (см. методики выделения и изучения концептов в работе З.Д. Поповой и И.А. Стернина[13]).

В период превращения текста в прецедентный обычно могут появляться его многочисленные версии: сокращенные варианты, пересказы и пр., представляющие базовый слой данного текста, обеспечивающий его узнавание. Изучение таких вариантов исходного текста дает материал для выделения его жанрово-стилевой доминанты[14] – суммы обязательных семантических и формальных признаков данного текста, не меняющихся в процессе трансформаций данного текста. Жанрово-стилевая доминанта каждого прецедентного текста уникальна и определяется индивидуально для каждого такого текста в результате применения определенных методик:

1) сочетание методики выбора ключевого слова-имени концепта и выделение круга его лексической сочетаемости на материале различных текстов с методикой анализа его словарных толкований с последующей выборкой всех возможных характеристик концепта;

2) анализ пословиц, поговорок и фразеологизмов, в которые входит имя заданного концепта;

3) контрастивный анализ переводов текста-оригинала, позволяющий четко выявить его этнокультурную специфику;

4) исследование цитат и аллюзий, источником которых стал прецедентный текст, в других текстах в сочетании с частотным анализом;

5) анализ пересказов, обработок, сокращенных вариантов и представленных в хрестоматиях отрывков прецедентного текста;

6) изучение литературных продолжений прецедентного текста;

7) анализ иллюстраций, общего оформления текста, музыкального оформления, кино- и мультипликационных версий и пр.;

8) диверсификация корпуса текстов-источников интертекста, что позволяет выделить компоненты концепта, существенные для данной социальной/профессиональной/возрастной/этнической и пр. группы;

9) ассоциативный эксперимент, позволяющий не только выделить основные прагматические характеристики концепта прецедентного текста, но и его имя, релевантное для данной социальной/ этнокультурной группы (см. также попытку выделения жанрово-стилевой доминанты/базового слоя концепта текста дилогии Л. Кэрролла о приключениях Алисы в статье Е.Д. Нефедовой и Д.С. Молдавской[15]).

В связи с этим нельзя не процитировать удачную формулировку Дж. Стивенса: “*It is not ‘story’ that shapes narrative into significance, but discourse, and discourse imparts structure, order, and point of view.*

Moreover, there are no 'facts' without interpretations and interpretations are morally grounded".[16]

Превращение текста в прецедентный происходит в процессе коммуникации, при которой собеседники выделяют базовые характеристики текста и зачастую наполняют текст новым смыслом. Таким образом, можно сказать, что концепт и значение текста конструируется в процессе коммуникации – в процессе создания дискурса.

Понятие "*дискурс*" широко используется в современной лингвистике, что обусловливает различное толкование данного термина. В частности, с нарратологической точки зрения, дискурс – это "*the means by which a story and its significance are communicated (including temporal sequencing, focalization, and the narrator's relation to the story and the audience)*".[17] С точки зрения лингвистики дискурс – это "*stretches of language perceived to be meaningful, unified, and purposive*".[18] В данной работе мы принимаем ставшее уже классическим определение дискурса как "*language in use intended for communication purposes*".[19]

Интертекстуальные взаимодействия реализуются в процессе коммуникации, предполагающем наличие следующих основных компонентов (по К. Шеннону): 1) источника информации, создающего сообщение или последовательность сообщений, которые должны быть переданы на приемный конец; 2) передатчика, который перерабатывает некоторым образом сообщение в сигналы, соответствующие характеристикам данного канала; 3) канала, т.е. среды, используемой для передачи сигнала от передатчика к приемнику; 4) приемника, который выполняет операцию, обратную по отношению к операции, производимой передатчиком, т.е. восстанавливает сообщение по сигналам; 5) адресата – лица (или аппарата), для которого предназначено сообщение. Г. Кук выделяет также следующие компоненты процесса коммуникации: а) "*the message form: the particular grammatical and lexical choices of the message*"; б) "*the topic: the information carried in the message*"; в) "*the code: the language or dialect, for example, Swedish, Yorkshire English, Semaphore, British Sign Language, Japanese*"; г) "*the setting: the social or physical context*".[20]

Такое количество компонентов коммуникативного процесса предполагает наличие соответствующего количества фильтров, искажающих передаваемую информацию, в данном случае – информацию, представленную прецедентным текстом. Помимо явления информационной компрессии в процессе создания дискурса обычно наблюдается фамилиаризация текста, используемого в коммуникации – изме-

нение фрейма представления текста, заданного автором, в плане его адаптации к потребностям коммуникантов. При этом зачастую происходит "снижение" статуса текста и вульгаризация его содержания. В европейской традиции такое снижение происходит обычно за счет изменения социально одобренных характеристик текста на противоположные – так, персонаж сказки Л. Кэрролла невинная Алиса может быть представлена в качестве сексуального объекта в пародии на данный текст (см. в этой связи работу Г.Г. Слышкина,[21] работы М.М. Бахтина, посвященные карнавальной культуре, а также анализ процессов фамилиаризации текста дилогии Л. Кэрролла в статье Е.Д. Нефедовой и Д.С. Молдавской[22]).

При рассмотрении процесса фамилиаризации важную роль играет концепция интерпретанты М. Риффатерра – третьего текста, определяющего контекст интертекстуального взаимодействия между текстом-приемником и прецедентным текстом. В процессе фамилиаризации роль интерпретанты может выполнять как определенная культурная традиция (например, рок-культура как текст), так и конкретный прецедентный текст (например, произведение Ч. Диккенса **"Оливер Твист"**).

В качестве вывода и перспектив для дальнейшего исследования данной темы необходимо отметить насущную необходимость разработки теории интертекстуальности для решения лингвистических задач в современном контексте и подчеркнуть важность анализа всех компонентов процесса интертекстуальных взаимодействий (прецедентного текста, его концепта и социальной значимости, а также особенностей его использования в процессе коммуникации).

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. Allen G. Intertextuality. – London & New York, Routledge, 2000. – 238 p.
2. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. – Воронеж: Истоки, 2003. – 192 с.
3. Лушникова Г.И. Интертекстуальность художественного произведения. – Кемерово: Кемеровский гос. ун-т, 1995. – 82 с.
4. См. сн. 1.
5. Clayton J., Rothstein E. Figures in the Corpus: Theories of Influence and Intertextuality // Influence and Intertextuality in Literary History / Ed. by J. Clayton and E. Rothstein. – The University of Wisconsin Press, 1991. – P. 3-36.

6. Там же, с. 21-26.
7. Селіванова О.О. Актуальні напрями сучасної лінгвістики: аналітичний огляд. – Київ: Фітосоціоцентр, 1999. – 148 с.
8. Stephens J. Language and Ideology in Children Fiction. – London and N.Y.: Longman, 1992. – 308 p.
9. Stephens, John and Waterhouse, Ruth Literature, Language and Change: From Chaucer to the Present. – London: Routledge, 1990. – P. 8-10.
10. См. сн. 7, с. 106
11. Cook G. Discourse. – OUP, 1992. – 168 p.
12. Красных В.В. Основы психолингвистики и теории коммуникации. – М.: Гнозис, 2001. – 270 с.
13. См. сн. 2, с. 14-15.
14. Frye N. Fables of Identity: Studies in Poetic Mythology. – N.Y.: Harcourt, Brace & World, 1953. – 264 p.
15. Нефедова Е.Д., Молдавская Д.С. Проблема подходов к анализу интертекстуальности художественного текста (на материале произведений Л. Кэрролла) // Вісник ХНУ. Серія "Філологія". – 2004. – № 586. – С. 64-70.
16. См. сн. 8, с. 205.
17. Там же, 8, с. 11.
18. См. сн. 11, с. 156.
19. Там же, 11, с. 6.
20. Там же, 11, с. 25.
21. Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М.: Academia, 2000. – 128 с.
22. См. сн. 15.